

*Развод. Босиком
по шитому стеклу*

Данна Леднива

Данна Леднива

Развод. Босиком по битому стеклу

«Автор»

2026

Леднива Д.

Развод. Босиком по битому стеклу / Д. Леднива — «Автор»,
2026

Когда каждый шаг — боль, остаётся только идти. Анна. 43 года. Консультант. Сильная. Одинокая. Суд выигран, квартира её. Но Олег ушёл, Кирилл её ненавидит, бизнес разваливается. Анонимный шантажист требует денег за её репутацию. Единственный, кто рядом — молодой аналитик Максим. Он хочет её. Она боится. А потом пропадает сын. В поисках Кирилла Анна и Олег впервые действуют как команда. Они идут босиком по битому стеклу — по ночным вокзалам, по чужим адресам, по обрывкам надежды. И в этой боли Анна понимает: она ещё жива. Она ещё может идти. «Развод. Босиком по битому стеклу» — книга о том, что иногда нужно пройти через боль, чтобы почувствовать, что ты стоишь на ногах.

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1 Утро бывшей жены и звонок от мертвеца	8
ГЛАВА 2 Воскресный папа и новый сотрудник	13
ГЛАВА 3 Дневник матери и встреча выпускников	19
ГЛАВА 4 Смерть кота и прогул	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Развод. Босиком по битому стеклу

ПРОЛОГ

Март в Москве — это не весна, это предательство зимы, когда снег лежит серыми комьями вдоль обочин, когда с крыш капает холодная вода, промочивающая ботинки за три шага, когда небо висит низко, давит на город, и ты идёшь по тротуару и думаешь, что мир устал так же, как ты, что он тоже не спал всю зиму, что он тоже ждёт, когда наконец всё кончится, и я иду по улице в Марьиной Роще, держу в руках картонную коробку, перевязанную скотчем, тяжёлую, потому что внутри двадцать лет жизни одного человека, сложенные в шесть квадратных метров картона, и я думаю, что это сюрреализм, что я везу вещи бывшего мужа в его съёмную комнату, что я делаю то, что делают жёны в плохих фильмах, и я поднимаюсь по лестнице старого дома, четыре пролёта, лифт не работает, как и всегда, как и двадцать лет назад, когда я впервые пришла сюда, на свидание к майору, который жил на четвёртом этаже, у матери, и я думаю, что это круг, что я замыкаю что-то, что я возвращаюсь в точку, из которой вышла, и я останавливаюсь перед дверью, обитой дерматином, с номером, написанным маркером, и я стучу.

Дверь открывается не сразу, и я слышу за ней тишину, не ту тишину, которая была в нашей квартире, когда мы жили как соседи по купе, а другую, пустую, такую, которая бывает в местах, где человек живёт один, где нечего слушать, где некому говорить, и потом я слышу шаги, медленные, шаркающие, не офицерские, не те, что били по асфальту плаца, и дверь открывается, и я вижу Олега.

Он стоит в проёме в серой футболке с растянутым воротом, в спортивных штанах, босиком, и первое, что я замечаю, это то, что он трезвый, не потому что я рада, а потому что это так непривычно, так неожиданно, что я на секунду теряюсь, не знаю, куда смотреть, потому что трезвый Олег — это Олег, которого я не видела месяца три, с того самого вечера, когда он хлопнул дверью, оставив меня с папкой фотографий и скринов на столе, и я смотрю на него, и вижу, что он постарел, не на годы, на что-то другое, на что-то, что нельзя измерить календарём, на усталость, которая въелась в кожу, в морщины вокруг глаз, в седину на висках, которая теперь не скрывается, потому что он перестал её красить, перестал прятать, перестал делать вид, что ему сорок шесть, а не шестьдесят.

— Анна.

Он говорит моё имя так, как говорят имя человека, которого узнают на вокзале, случайно, без радости, без боли, просто констатируют факт, и я думаю, что это правильно, что это то, что должно быть между нами теперь, не вражда, не любовь, не даже обида, а просто констатация, и я поднимаю коробку, и говорю.

— Я привезла твои вещи. Те, что остались в квартире.

Он смотрит на коробку, потом на меня, потом снова на коробку, и я вижу, как он взвешивает, как он решает, сказать ли что-то, предложить ли чай, пригласить ли войти, или просто взять коробку и закрыть дверь, и я думаю, что он выберет второе, что он устал, что он не хочет разговоров, что он хочет, чтобы я ушла, и он отступает в сторону, и говорит.

— Заходи. Поставь там.

Я вхожу, и комната маленькая, двенадцать квадратных метров, может, чуть больше, с одним окном, с обоями, которые не меняли с девяностых, с кроватью, заправленной так, как заправляют кровати в армии, с подушкой, лежащей ровно по центру, с тумбочкой, на которой стоит стакан с водой и будильник, и я думаю, что это он, что это его почерк, что он не изменился, что он живёт так, как жил в казарме, потому что казарма — это единственное место, где он чувствовал себя дома, и я ставлю коробку у двери, не доходя до середины комнаты, потому

что не хочу входить глубже, потому что это его территория теперь, не моя, и я разворачиваюсь, чтобы уйти, и в этот момент я вижу стол.

Стол стоит у окна, на нём ноутбук, закрытый, чашка с недопитым чаем, тарелка с крошками, и книга.

Книга лежит открытой, вверх обложкой, и я читаю название, и я не верю своим глазам, и я думаю, что это невозможно, что это ошибка, что это не его книга, что это книга кого-то, кто был до него, кто жил в этой комнате, кто оставил её на столе, но я знаю, что это не так, я знаю, что это его книга, потому что рядом лежит его ручка, та самая, с которой он не расставался в части, и я читаю название ещё раз, медленно, по слогам, как будто это поможет мне понять, как будто это изменит смысл, как будто это не то, что я вижу.

«Психология привязанности. Как перестать бояться близости и научиться любить».

Я стою и смотрю на книгу, и я думаю, что это Олег, что это мой Олег, тот самый, который не верил в психологов, который говорил, что всё это для слабых, для тех, кто не умеет держать удар, для тех, кто не был в Чечне, для тех, кто не видел, как умирают друзья, для тех, кто не знает, что такое настоящая боль, а не выдуманная, из книжек, и я думаю, что он читает эту книгу, что он её открыл, что он дошёл до середины, потому что закладка на середине, и я думаю, что это значит, что он думает, что он чувствует, что он пытается понять, что он пытается измениться, что он пытается стать тем, кем он не был со мной, и я не знаю, что чувствовать, я не знаю, злиться ли мне, радоваться ли, плакать ли, и я просто стою, и смотрю, и молчу.

Олег замечает мой взгляд, он поворачивается, он видит, на что я смотрю, и я вижу, как его лицо меняется, как он смущается, как он краснеет, как мальчишка, которого поймали на чём-то личном, и он делает шаг к столу, как будто хочет закрыть книгу, как будто хочет спрятать, как будто хочет, чтобы я не видела, но он не делает этого, он просто останавливается, и говорит, тихо.

— Это не то, что ты думаешь.

Я смотрю на него. И я думаю, что он прав, что это не то, что я думаю, что я не знаю, что он думает, что я не знаю, что он чувствует, что я не знаю его уже три месяца, может, три года, может, двадцать лет, может, я никогда его не знала, и я говорю.

— Я не думаю ничего, Олег. Я просто привезла вещи.

Он кивает. Мы молчим. И это молчание не то, что было между нами раньше, не холодное, не враждебное, а другое, тяжёлое, наполненное тем, что не сказано, тем, что нельзя сказать, тем, что уже поздно говорить, и я думаю, что я должна уйти, что я должна закончить это, что я не должна стоять здесь и смотреть на книгу по психологии на столе бывшего мужа, который спит на кровати, заправленной по-армейски, и я говорю.

— Я пошла.

— Анна.

Я останавливаюсь. Оборачиваюсь. Он стоит у стола, и я вижу, что он хочет что-то сказать, что он борется с собой, что он не знает, имеет ли он право, что он не знает, хочу ли я слышать, и я жду, и я думаю, что он скажет прости, или я скучаю, или давай попробуем, и я думаю, что я не готова к этому, что я не хочу этого, что я не знаю, чего я хочу, и он говорит.

— Спасибо. За вещи.

Я смотрю на него. И я думаю, что это всё, что он может сказать, что это всё, что осталось между нами, благодарность за коробку с вещами, и я киваю, и я выхожу в коридор, и я закрываю дверь, и я слышу, как щёлкает замок, и я думаю, что это правильно, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется.

Я иду к лифту, нажимаю кнопку, жду, и лифт старый, медленный, он скрипит, он пахнет сыростью и табаком, и я вхожу, и нажимаю кнопку первого этажа, и двери закрываются, и я стою одна в этой кабине, и я думаю о книге, о закладке на середине, о том, что он читает, о том, что он думает, о том, что он чувствует, и я думаю, что я не имею права это знать, что это уже

не моё, что это его жизнь, его выбор, его путь, и я достаю телефон, чтобы проверить время, чтобы узнать, сколько сейчас, чтобы понять, успею ли я на встречу с клиентом, и я вижу на экране сообщение.

От неизвестного номера.

Я открываю его, и я читаю, и я не дышу.

«Анна Павловна, я знаю, что вы сделали с Еленой. Я всё расскажу совету директоров».

Я стою в лифте, и я читаю это сообщение, и я перечитываю его, и я думаю, что это ошибка, что это не тот номер, что это спам, что это кто-то перепутал, но я знаю, что это не так, я знаю, что это не ошибка, что это не спам, что это не перепутанный номер, что это реальность, что это угроза, что это шантаж, и я думаю об Елене, о том, что я с ней сделала, о том, как я её назвала жертвой фишинга, о том, как я спасла её от тюрьмы, но уничтожила её карьеру, о том, как она смотрела на меня в последний раз, как она говорила, что мне плевать на людей, что Олег выбрал её, потому что я не умею любить, и я думаю, что шантажист знает, что я сделала, что он знает правду, что он знает ложь, что он знает всё, и лифт останавливается, и двери открываются, и я выхожу в подъезд, и я иду к выходу, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Я выхожу на улицу. Март. Холодно. Капли падают с крыш. Я иду к машине, и я думаю, что я не буду отвечать, что я не буду платить, что я не буду умолять, что я буду ждать, что я буду думать, что я буду решать, и я думаю, что я устала воевать, что я устала быть хищником, что я устала быть железобетонной конструкцией, но что я не знаю, как быть другой, что я не знаю, как быть живой, что я не знаю, как быть женщиной, и я сажусь в машину, и я завожу двигатель, и я смотрю на телефон, и сообщение всё ещё на экране, и я думаю, что это война, что это новая война, что это то, от чего нельзя убежать, и я выезжаю со двора, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

ГЛАВА 1 Утро бывшей жены и звонок от мертвеца

Я просыпаюсь в пять тридцать, как просыпалась двадцать лет, как просыпалась с тех пор, как научилась просыпаться за минуту до будильника, и я открываю глаза, и я вижу потолок, который не знаю, потолок с лепниной, с трещиной, идущей от угла к люстре, с жёлтым пятном, которое проступает сквозь побелку, как синяк на лице, и я думаю, что это не мой потолок, что это потолок съёмной студии, что это потолок моей новой жизни, жизни, которая началась три месяца назад, когда я подписала договор аренды, когда я перевезла вещи, когда я оставила ключи от четырёхкомнатной квартиры на Патриках, от той квартиры, которую я выиграла по брачному договору, от той квартиры, которая стала мне слишком большой, слишком пустой, слишком холодной, и я лежу на кровати, которая стоит прямо посреди комнаты, потому что нет стен, нет перегородок, нет ничего, что отделяло бы меня от мира, от кухни, от ванной, от окна, и я думаю, что это метафора, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была пережить, что я уязвима, что я открыта, что я не могу спрятаться, что я не могу закрыться, что я не могу быть железобетонной конструкцией, потому что железобетон требует стен, а у меня их нет.

Я встаю, и пол холодный, не паркет, а ламинат, дешёвый, тонкий, который прогибается под ногами, и я иду на кухню, на ту кухню, которая является частью комнаты, потому что нет стен, и я наливаю воду в стакан, и я пью, и я смотрю в окно, и я вижу двор, тот самый двор, с берёзой, со снежной горкой, с фонарём, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать, и я возвращаюсь в центр комнаты, и я встаю на коврик, который купила в ИКЕА, и я начинаю делать зарядку.

Не потому что хочу, а потому что привычка, потому что тело помнит, потому что мышцы знают, потому что двадцать лет я просыпалась в пять тридцать, и двадцать лет я делала зарядку, потому что Олег делал зарядку, потому что он был офицером, потому что он был майором, потому что он встал в пять тридцать в части, и он встал в пять тридцать дома, и я встала вместе с ним, и я делала зарядку вместе с ним, и теперь его нет, а я всё ещё делаю зарядку, и я думаю, что это абсурд, что это сюрреализм, что я стою в центре комнаты, в пижаме, с растрёпанными волосами, и делаю приседания, и я думаю, зачем, зачем я это делаю, для кого, для чего, и я останавливаюсь, и я стою, и я дышу, и я думаю, что я не знаю, что я не понимаю, что я не чувствую, и я смотрю на свои руки, и я думаю, что они дрожат, не от усталости, а от чего-то другого, от чего-то, что я не могу назвать, от чего-то, что я не хочу называть, и я сажусь на коврик, и я закрываю глаза, и я думаю, что это слабость, что это капитуляция, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что я устала, что я больше не хочу, что я больше не могу, и я сижу, и дышу, и молчу.

В восемь утра я сажусь за стол, за маленький стол, который стоит у окна, и я открываю ноутбук, и я смотрю на список клиентов, на десять имён, которые я написала от руки, в своём новом ежедневнике, в том самом, на первой странице которого я написала "Список того, что я люблю", и я думаю, что это ирония, что это сюрреализм, что я сижу за столом, и смотрю на список, и думаю, как мне заработать деньги, как мне заплатить за аренду, как мне купить еду, как мне жить, и я думаю, что я не знаю, что я не умею, что я не могу, потому что двадцать лет я была замдиректора департамента, двадцать лет я получала зарплату, двадцать лет я не думала о деньгах, потому что они были, потому что они приходили, потому что они были функцией, функцией моей должности, функцией моего статуса, функцией моего брака, а теперь их нет, и я должна их заработать, и я не знаю, как, и я думаю, что это страшно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая

правда, что я боюсь, что я впервые за двадцать лет боюсь безденежья, и я беру телефон, и я начинаю звонить.

Первый клиент — Виктор, старый знакомый, с которым я работала в госкорпорации, который ушёл в частную компанию два года назад, который обещал, что будет обращаться, который говорил, что я лучшая, кого он знал, и я набираю его номер, и я жду, и он берёт трубку, и я слышу его голос, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— Виктор, это Анна.

— Анна, — говорит он, и голос его меняется, становится холоднее, становится дальше, становится тем голосом, которым говорят с людьми, которых не хотят слышать, — Анна, как дела?

— Нормально. Я открыла своё бюро. Консультации по логистике. Я думала, мы могли бы поработать.

Пауза. Короткая, но я слышу её, слышу, как он на том конце провода думает, как он решает, как он взвешивает, и я думаю, что он откажет, что он не захочет, что он не будет рисковать, и он говорит.

— Анна, я слышал про тебя. Про историю с Еленой. Про совет директоров. Я не могу. Извини.

Я смотрю на телефон. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я кладу трубку, и я вычёркиваю его имя из списка, и я набираю следующий номер.

Второй клиент — Марина, подруга, с которой я работала в смежном департаменте, которую я выручала, которую я защищала, которую я считала другом, и я набираю её номер, и я жду, и она берёт трубку, и я слышу её голос, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— Марина, это Анна.

— Анна, — говорит она, и голос её дрожит, как у человека, который боится, как у человека, который не хочет говорить, как у человека, который хочет, чтобы я отстала, — Анна, привет.

— Привет. Я открыла своё бюро. Я думала, мы могли бы поработать.

Пауза. Долгая, тяжёлая, давящая, и я думаю, что она откажет, что она не захочет, что она не будет рисковать, и она говорит.

— Анна, я не могу. Мне сказали. Мне сказали не работать с тобой. Прости.

Я смотрю на телефон. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я кладу трубку, и я вычёркиваю её имя из списка, и я набираю следующий номер.

Третий. Четвёртый. Пятый. Шестой. Седьмой.

Семь отказов. Семь раз я слышу "нет", семь раз я слышу "прости", семь раз я слышу "мне сказали", семь раз я слышу "я не могу", и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, что моя репутация разрушена, что моё имя отравлено, что история с Еленой, история с советом директоров, история с "жертвой фишинга", дошла до всех, до каждого, до каждого, кто мог бы стать моим клиентом, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать, и я смотрю на список, и я вижу три имени, которые остались, и я думаю, что это мало, что это очень мало, что этого не хватит, что этого не хватит на аренду, на еду, на жизнь, и я думаю, что это страшно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, но я набираю следующий номер.

Восьмой клиент соглашается. Девятый — тоже. Десятый — нет.

Двое. Двое из десяти. И я думаю, что это мало, что это очень мало, что этого не хватит, и я считаю, сколько я заработаю, и я думаю, что этого хватит на аренду, но не на еду, не на одежду, не на жизнь, и я думаю, что это страшно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, и я закрываю ноутбук, и я сажусь на кровать, на кровать, которая стоит посреди комнаты, и я думаю, что я боюсь, что я впервые за двадцать лет боюсь, что я не знаю, что будет завтра, что будет через неделю, что будет через месяц, и я думаю, что это слабость, что это капитуляция, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что я боюсь, и я сижу, и смотрю в стену, и молчу.

Звонок приходит в два часа дня, когда я сижу на кухне, и ем бутерброд с сыром, и думаю о том, как мне заплатить за электричество, и я вижу на экране номер, и я узнаю его, и я думаю, что это сюрреализм, что это тот самый номер, что это тот самый шантажист, что это тот самый человек, который написал мне сообщение в лифте, и я беру трубку, и я слышу голос, и я не узнаю его, потому что он искажён, потому что он изменён, потому что он звучит, как голос робота, как голос диктофона, как голос человека, который не хочет, чтобы его узнали, и он говорит.

— Анна Павловна.

Я молчу. Слушаю. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и он говорит.

— Я знаю, что вы сделали с Еленой. Я знаю, что вы её уничтожили. Я знаю, что вы назвали её жертвой фишинга, но она не была жертвой. Она была вами. Вы её использовали. Вы её выбросили. И я расскажу всё совету директоров. Я расскажу всё, если вы не заплатите.

Я смотрю на телефон. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я говорю.

— Сколько?

— Пятьсот тысяч. Сегодня. Завтра. Не позже. Иначе всё будет опубликовано. Переписка. Скрины. Доказательства. Всё, что нужно, чтобы вы сели.

Я молчу. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и он говорит.

— Вы поняли?

— Поняла.

— Хорошо. Ждём.

Он кладёт трубку. И я сижу, и смотрю на телефон, и думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я думаю, что это шантаж, что это угроза, что это то, от чего нельзя убежать, от чего нельзя защититься, от чего нельзя спрятаться, и я думаю, что я должна заплатить, что я должна согласиться, что я должна сделать то, что он хочет, но я думаю, что я не буду, что я не хочу, что я не могу, и я думаю, что это слабость, что это капитуляция, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что я не заплачу, что я не сдамся, что я не сломаюсь, и я думаю, что я должна действовать, что я должна думать, что я должна решать, и я думаю, что я знаю, что я должна сделать.

Я встаю. Беру телефон. Набираю номер, который я нашла вчера, номер, который мне дал Сергей, номер частного детектива, старого друга моего отца, человека, который работал в милиции двадцать лет, который ушёл на пенсию, который теперь берётся за частные дела, и я жду, и он берёт трубку, и я слышу его голос, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— Борис Петрович, это Анна. Анна Смирнова. Мне нужна ваша помощь.

— Анна, — говорит он, и голос его ровный, спокойный, как у человека, который привык к чужим проблемам, как у человека, который видел всё, как у человека, которого ничем не удивишь, — что случилось?

— Мне угрожают. Шантажируют. Требуют деньги.

— Сколько?

— Пятьсот тысяч.

— За что?

— За молчание. За то, чтобы не публиковали фальшивую переписку.

— Понятно. Приезжайте. Встретимся. Обсудим.

— Где?

— В забегаловке на Ленинском. Знаете такую?

— Знаю.

— Через час.

— Хорошо.

Я кладу трубку. И я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я одеваюсь, и я выхожу из дома, и я иду к машине, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Забегаловка на Ленинском — это место, которое не изменилось за двадцать лет, то же меню, те же стулья, те же фотографии на стенах, и я вхожу, и я вижу Бориса Петровича, который сидит у окна, с чашкой кофе, с газетой, с лицом, которое я помню с детства, с лицом, которое постарело, но которое осталось тем же, и я подхожу, и я сажусь напротив, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, и он говорит.

— Анна, рассказывай.

Я рассказываю. Всё. Про сообщение. Про звонок. Про пятьсот тысяч. Про фальшивую переписку. Про Елену. Про совет директоров. Про всё, и он слушает, и он кивает, и он пьёт кофе, и он не перебивает, и когда я заканчиваю, он молчит, и он думает, и он говорит.

— Анна, это не профессионал.

— Почему?

— Профессионал не звонит. Профессионал не угрожает по телефону. Профессионал не требует пятьсот тысяч. Профессионал действует тихо, незаметно, он не пугает, он делает. А этот — пугает. Этот хочет, чтобы ты испугалась. Этот хочет, чтобы ты заплатила. Это не киллер. Это кто-то из твоих бывших. Кто-то, кто тебя знает. Кто-то, кто тебя ненавидит.

Я смотрю на него. И я думаю, что он прав, что это не профессионал, что это кто-то из моих бывших, кто-то, кто меня знает, кто-то, кто меня ненавидит, и я думаю, что это Елена, что это она, что это она действует через посредника, что это она мстит, что это она хочет, чтобы я заплатила, чтобы я страдала, чтобы я боялась, и я думаю, что это возможно, что это вероятно, что это то, что она могла бы сделать, и я говорю.

— Что мне делать?

— Не платить. Ни копейки. Если ты заплатишь — он вернётся. Он будет требовать ещё. И ещё. И ещё. Это бесконечно. Ты должна найти его. Ты должна понять, кто он. Ты должна собрать доказательства. И тогда — в полицию.

— А если он опубликует?

— Он не опубликует. Ему это не нужно. Ему нужны деньги. Если он опубликует — он потеряет рычаг. Он потеряет возможность требовать. Он блефует.

Я смотрю на него. И я думаю, что он прав, что он блефует, что он не опубликует, что ему нужны деньги, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна

была услышать, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— Хорошо. Я не заплачу.

— Правильно. И ещё — смени номер. Не отвечай на сообщения. Не реагируй. Пусть он думает, что ты испугалась. Пусть он думает, что ты молчишь. Пусть он расслабится. А мы — будем искать.

— Хорошо.

— И Анна.

— Да?

— Не дёргайся. Это главное. Не дёргайся. Если ты дёрнешься — он почувствует. Если ты испугаешься — он увидит. Будь спокойна. Будь холодна. Будь той, кем ты была. Железобетонной.

Я смотрю на него. И я думаю, что он прав, что я должна быть спокойна, что я должна быть холодна, что я должна быть той, кем я была, но я думаю, что я не хочу быть той, кем я была, что я не хочу быть железобетонной, что я не хочу быть функцией, что я хочу быть живой, что я хочу быть женщиной, что я хочу быть собой, и я думаю, что это слабость, что это капитуляция, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что я не хочу, и я говорю.

— Хорошо. Я буду спокойна.

Он кивает. Пьёт кофе. И я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я встаю, и я иду к двери, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Я выхожу на улицу. Март. Холодно. Капли падают с крыш. Я иду к машине, и я думаю, что я не заплачу, что я не сдамся, что я не сломаюсь, что я буду искать, что я буду думать, что я буду решать, и я думаю, что это война, что это новая война, что это то, от чего нельзя убежать, и я сажусь в машину, и я завожу двигатель, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

ГЛАВА 2 Воскресный папа и новый сотрудник

Воскресенье приходит в десять утра, когда я сижу на кухне, пью чай, смотрю в окно, и я думаю о том, что сегодня день, которого я боюсь, день, который я жду, день, который определит всё, что будет дальше, день, когда Олег заберёт Кирилла на выходные, по решению суда, по его просьбе, по той самой просьбе, с которой он пришёл к юристу, когда выглядел стариком, когда просил хотя бы на выходные, и я тогда сказала, что это не мне решать, что это Кирилл должен решить, и я думаю, что это был момент, когда я впервые за двадцать лет сделала что-то правильное, что-то, что не было функцией, что-то, что не было ролью, что-то, что было человеком, и я думаю, что теперь я расплачиваюсь за это, что теперь я должна стоять у двери и смотреть, как сын уходит к отцу, которого он выбрал, которого он полюбил, которого он простил, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была пережить.

В десять тридцать звонит домофон, и я слышу голос Олега, ровный, спокойный, как у человека, который пришёл за сыном, который не хочет разговоров, который не хочет сцен, который просто хочет забрать Кирилла и увезти, и я нажимаю кнопку, и я говорю.

— Поднимайся.

Я слышу, как он говорит спасибо, и я думаю, что это сюрреализм, что мы говорим друг другу спасибо, как незнакомцы, как люди, которые встретились в очереди, как люди, которые не знают друг друга, и я встаю, и я иду к двери Кирилла, и я стучу, и я говорю.

— Кирилл, папа приехал.

Я слышу, как он двигается, как он встаёт, как он собирает вещи, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, и дверь открывается, и я вижу сына, в куртке, с рюкзаком за плечами, с телефоном в руке, с наушниками вокруг шеи, и я смотрю на него, и я думаю, что он красивый, что он похож на Олега, что он похож на меня, что он похож на нас, на тех, кем мы были, на тех, кем мы могли бы быть, если бы всё сложилось иначе, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться.

— Ну, я пошёл, — говорит он, и я думаю, что это всё, что он может сказать, что это всё, что осталось между нами, не прощание, не объятие, не поцелуй, а просто констатация, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что он должен был сказать, что это то, что я должна была услышать.

— Хорошо, — говорю я. — Позвони, когда доедешь.

— Хорошо.

Он проходит мимо меня, и я чувствую запах его парфюма, того самого, который я купила ему на день рождения, того самого, который он носит уже год, и я думаю, что это запах его детства, запах его юности, запах того, что уходит, что исчезает, что больше не вернётся, и я иду за ним, к двери, и я вижу, как он надевает ботинки, как он застёгивает молнию на рюкзаке, как он проверяет телефон, и я думаю, что это он, что это мой сын, что это тот, кого я родила, кого я растила, кого я любила, кого я контролировала, кого я теряла, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться.

Он открывает дверь. В коридоре стоит Олег, в куртке, с сумкой через плечо, и я вижу, как Кирилл смотрит на него, и я вижу, как Олег смотрит на Кирилла, и я вижу, как между ними что-то происходит, что-то, чего я не вижу, что-то, чего я не понимаю, что-то, что связывает их, что-то, что я не могу разорвать, что-то, что я не могу контролировать, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется.

— Привет, — говорит Олег.

— Привет, — говорит Кирилл.

И я думаю, что это всё, что они могут сказать, что это всё, что осталось между ними, не объятие, не поцелуй, не радость, а просто констатация, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что они должны были сказать, что это то, что я должна была увидеть.

Кирилл выходит в коридор. Олег берёт его рюкзак. И я думаю, что это сюрреализм, что мой бывший муж несёт рюкзак моего сына, что они уходят вместе, что они оставляют меня, что они уходят в свою жизнь, в жизнь, в которой меня нет, в жизнь, в которой я не нужна, в жизнь, в которой я лишняя, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться.

Кирилл оборачивается. Смотрит на меня. И я думаю, что сейчас он скажет что-то, что сейчас он обнимет меня, что сейчас он поцелует меня, что сейчас он скажет, что любит меня, что сейчас он скажет, что скучает, что сейчас он скажет что-то, что спасёт меня, что-то, что утешит, что-то, что даст мне силы, и я жду, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять.

Но он не говорит. Он просто кивает. Коротко, небрежно, как кивают люди, которые прощаются с соседом, с продавцом, с человеком, которого не знают, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я киваю в ответ, и я думаю, что это всё, что я могу сделать, что это всё, что осталось между нами, не объятие, не поцелуй, не слова, а просто кивок, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что мы заслужили, что это то, что мы должны были пережить.

Олег берёт Кирилла за плечо, и они идут по коридору, и я стою в дверях, и я смотрю им вслед, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я слышу, как они спускаются по лестнице, как они разговаривают, как они смеются, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, и я закрываю дверь, и я стою в коридоре, и я думаю, что я выиграла квартиру, но проиграла еженедельные ужины, что я выиграла компенсацию, но проиграла воскресные завтраки, что я выиграла машину, но проиграла сына, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать.

Я иду в комнату. Сажусь на кровать, на кровать, которая стоит посреди комнаты, потому что нет стен, нет перегородок, нет ничего, что отделяло бы меня от мира, и я думаю, что это метафора, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была пережить, что я уязвима, что я открыта, что я не могу спрятаться, что я не могу закрыться, что я не могу быть железобетонной конструкцией, потому что железобетон требует стен, а у меня их нет, и я думаю, что он уходит к отцу, который ничего не умеет, который не умеет готовить, который не умеет гладить, который не умеет контролировать, но который умеет слушать, который умеет молчать, который умеет быть рядом, который умеет быть живым, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что Кирилл выбрал, что это то, что он заслужил, что это то, что он должен был сделать, и я думаю, что я не злюсь, что я не обижаюсь, что я не ревную, что я просто грущу, что я просто чувствую, что я просто живу, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была почувствовать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была заслужить.

В понедельник в одиннадцать утра звонит телефон, и я вижу номер, и я узнаю его, и я думаю, что это сюрреализм, что это номер из старой госкорпорации, что это номер того самого места, из которого я ушла, того самого места, которое было моим королевством, того самого места, в котором я была королевой, и я беру трубку, и я слышу голос, и я узнаю его, и это голос Виктора Павловича, моего бывшего непосредственного начальника, того самого, который говорил, что у меня шанс стать генеральным через год, того самого, которому я сказала,

что генерал без армии — это просто солдат с нашлепками, и я думаю, что это сюрреализм, что он звонит, что он хочет, что он нуждается во мне, и я говорю.

— Виктор Павлович.

— Анна Сергеевна, — говорит он, и голос его ровный, спокойный, как у человека, который не хочет признавать, что нуждается, как у человека, который привык командовать, как у человека, который не умеет просить, — как дела?

— Нормально. А у вас?

— Слушай, у нас проблема.

Я смотрю в окно. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я говорю.

— Какая?

— Нам нужен консультант. По логистике. По новому проекту. Ты же этим занималась.

— Занималась.

— У нас новый аналитик. Молодой. Способный. Но неопытный. Ему нужна помощь. Нужно, чтобы кто-то его подтянул. Показал, как у нас всё устроено. Как выживать в бюрократическом аду.

Я смотрю в окно. И я думаю, что это сюрреализм, что он просит меня помочь, что он просит меня вернуться, пусть и ненадолго, пусть и как консультанта, пусть и как фрилансера, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я говорю.

— Кто аналитик?

— Максим. Максим Волков. Двадцать восемь лет. МГУ, мехмат. Блестящий математик. Но ужасно неформальный. Опоздал на первую встречу. Разлил кофе на документы. Словом, нужен человек, который покажет ему, как у нас всё устроено.

Я смотрю в окно. И я думаю, что это сюрреализм, что я должна учить какого-то неформального математика, как выживать в бюрократическом аду, что я должна быть ментором, что я должна быть учителем, что я должна быть тем, кем я не хочу быть, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я думаю, посмотрю на нового идиота, посмотрю, что за человек, посмотрю, стоит ли с ним работать, и я говорю.

— Хорошо. Одна консультация. Разовая. Пятьдесят тысяч.

— Согласен.

— Когда?

— Сегодня. В три. В кофейне на Патриках.

— Хорошо.

Я кладу трубку. И я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я одеваюсь, и я выхожу из дома, и я иду к машине, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Кофейня на Патриках — это место, которое не изменилось за три месяца, те же столики, те же стулья, те же люди, которые сидят с ноутбуками, которые пьют латте на овсяном молоке, которые делают вид, что работают, и я вхожу, и я вижу его, Максима, который сидит у окна, с ноутбуком, с чашкой кофе, с лицом, которое я не знаю, с лицом, которое я вижу впервые, и я думаю, что это сюрреализм, что это тот самый Максим, тот самый новый аналитик, тот самый, который должен заменить Елену, и я подхожу, и я сажусь напротив, и я смотрю на него, и я думаю, что он молодой, что он красивый, что он не похож на тех, кого я знаю, что он не похож на Олега, не похож на Виктора Павловича, не похож на тех мужчин, с которыми я работала

двадцать лет, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать.

— Максим? — спрашиваю я.

Он поднимает глаза. Смотрит на меня. И я вижу, как его лицо меняется, как он узнаёт, как он понимает, и он встаёт, и он протягивает руку, и он говорит.

— Анна Сергеевна. Здравствуйте.

Я смотрю на его руку. И я думаю, что это сюрреализм, что он протягивает руку, что он хочет пожать мне руку, что он не знает, что я не люблю рукопожатия, что я не люблю формальности, что я не люблю то, что делают люди, которые не знают друг друга, и я беру его руку, и я пожимаю, и я говорю.

— Здравствуйте, Максим. Садитесь.

Он садится. Я сажусь. И я смотрю на него, и я думаю, что он красивый, что он высокий, что у него тёмные волосы, что у него зелёные глаза, что у него лицо, которое я не знаю, которое я не понимаю, которое я не могу прочесть, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— Виктор Павлович сказал, что вы опоздали на первую встречу.

Он краснеет. И я вижу, как он смущается, как он не знает, что сказать, как он не знает, как оправдаться, и он говорит.

— Да. Простите. Я заблудился. Я не знал, как пройти.

— Вы опоздали на сорок минут.

— Я знаю. Простите.

Я смотрю на него. И я думаю, что это сюрреализм, что он извиняется, что он краснеет, что он смущается, что он не похож на тех, кого я знаю, что он не похож на Олега, который никогда не извинялся, который никогда не краснел, который никогда не смущался, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— В госкорпорации опоздание — это не заблудился. Это неуважение. Это сигнал, что вам не важно, что вам всё равно, что вы не серьёзны.

— Я понимаю.

— Хорошо. Тогда начнём.

Я открываю ежедневник. Тот самый, на первой странице которого я написала "Список того, что я люблю", и я думаю, что это ирония, что это сюрреализм, что я сижу в кофейне, и учу молодого математика, как выживать в бюрократическом аду, и я начинаю говорить, объяснять, показывать, и я вижу, как он слушает, как он записывает, как он кивает, и я думаю, что он умный, что он внимательный, что он не идиот, что Виктор Павлович был прав, что он блестящий математик, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать.

Мы разговариваем два часа. Я объясняю ему, как устроена логистика, как работают подрядчики, как подписываются контракты, как проходят согласования, как выживать в бюрократическом аду, и я вижу, как он слушает, как он понимает, как он впитывает, и я думаю, что он умный, что он способный, что он сможет, что он справится, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать.

И в этот момент он тянется за чашкой, и я вижу, как его рука дрожит, как он задевает чашку, как она падает, как кофе разливается по столу, как он течёт на мои документы, и я думаю, что это сюрреализм, что это абсурд, что это то, чего не должно быть, но что это есть, что это происходит, что это реально, и я смотрю на него, и я вижу, как он краснеет, как он смущается, как он не знает, что делать, и он говорит.

— Боже, простите. Я ужасно неловкий. Я сейчас всё вытру.

Он хватает салфетки. Начинает вытирать. И я думаю, что это сюрреализм, что он вытирает кофе, что он смущается, что он извиняется, что он не похож на тех, кого я знаю, что он не похож на Олега, который никогда не извинялся, который никогда не смущался, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— Ничего страшного. Это всего лишь кофе.

— Нет, это не всего лишь кофе. Это ваши документы. Это ваша работа. Я всё испорчу.

— Вы не испортите. Это копии.

Он смотрит на меня. И я вижу в его глазах что-то, что я не могу разобрать, что-то похожее на обожание, на то чувство, которое бывает, когда человек видит другого человека, которым восхищается, которого уважает, которого хочет быть, и я думаю, что это сюрреализм, что он смотрит на меня так, что это неуместно, что это неправильно, что это то, чего не должно быть, и я думаю, что я должна его остановить, что я должна его обрезать, что я должна показать ему границы, что я должна показать ему, что я не подруга, что я не женщина, что я ментор, и я говорю.

— Максим.

— Да?

— Я не подруга. Я ментор. Это разовая консультация. Мы не друзья. Мы не коллеги. Мы не знакомые. Я здесь, чтобы научить вас выживать в бюрократическом аду. И я научу. Но не ждите от меня ничего больше.

Он смотрит на меня. И я вижу, как его лицо меняется, как он понимает, как он осознаёт, что я отрезала, что я поставила границу, что я показала ему, что я не та, кем он думает, что я не та, кем он хочет, чтобы я была, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была сказать, что это то, что я должна была показать, и он говорит.

— Понятно. Простите.

— Не за что извиняться. Вы не сделали ничего плохого. Я просто обозначаю границы.

— Хорошо.

Мы продолжаем разговор. Но я вижу, что он изменился, что он стал осторожнее, что он стал дальше, что он не смотрит на меня так, как смотрел раньше, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

В пять часов мы заканчиваем. Я закрываю ежедневник. Я встаю. И я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, и я говорю.

— На этом всё. Если будут вопросы — пишите на почту. Я отвечу.

— Спасибо, Анна Сергеевна. Вы мне очень помогли.

— Пожалуйста.

Я разворачиваюсь. Иду к двери. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я выхожу на улицу, и я иду к машине, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Но на полпути к машине я останавливаюсь. И я думаю, что это сюрреализм, что я останавливаюсь, что я оборачиваюсь, что я смотрю на кофейню, что я вижу Максима через окно, что он смотрит на меня, что он не отводит взгляд, что он смотрит, и я думаю, что это сюрреализм, что он смотрит, что он не отводит, что он не прячет, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была увидеть, что это то, что я должна была понять, что это

то, что я должна была сделать, и я разворачиваюсь, и я иду к машине, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

ГЛАВА 3 Дневник матери и встреча выпускников

Дневник я нахожу в среду вечером, когда возвращаюсь из кофейни, где встретилась с ещё одним потенциальным клиентом, который, как и предыдущие, вежливо отказал, сославшись на занятость, и я вхожу в квартиру, в свою студию, в двадцать восемь квадратных метров, которые стали моим миром, и я вижу на столе тетрадь, обычную школьную тетрадь в клетку, с загнутыми уголками, с наклейкой какой-то группы на обложке, и я думаю, что это сюрреализм, что это тетрадь Кирилла, что он забыл её, когда приходил в выходные, когда был здесь, когда сидел за этим столом, когда делал уроки, когда ел пиццу, которую я приносила, когда играл со мной в стрелялку, когда смеялся, когда был живым, и я подхожу к столу, и я беру тетрадь, и я думаю, что я не должна её открывать, что это его тетрадь, что это его мысли, что это его территория, что я не имею права, что я не буду, что я не хочу, и я кладу тетрадь на край стола, и я иду на кухню, чтобы заварить чай, и я думаю, что это правильно, что это то, что я должна была сделать, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была пережить.

Но я возвращаюсь.

Я не знаю почему, я не знаю, что меня тянет, что меня заставляет, что меня толкает, может, любопытство, может, страх, может, что-то другое, что-то, что я не могу назвать, что-то, что сидит внутри меня, что-то, что не даёт мне покоя, что-то, что требует, чтобы я посмотрела, чтобы я узнала, чтобы я поняла, и я подхожу к столу, и я беру тетрадь, и я открываю её, не на первой странице, не на последней, а на той, которая открыта, на той, которая лежит передо мной, на той, на которой лежит закладка, и я вижу почерк Кирилла, тот самый почерк, который я знаю с первого класса, который я проверяла, который я исправляла, который я контролировала, и я начинаю читать.

«Сегодня мама опять кричала. Не на меня, на телефон. На какого-то клиента, который не подписал контракт. Она ходила по кухне и кричала, и я сидел в комнате, и делал вид, что не слышу, но я слышал, и я думал, что она робот, что она не человек, что у неё внутри нет ничего, кроме цифр, сроков, контрактов, и я думал, что я не хочу быть как она, что я не хочу быть таким, что я не хочу жить так, и я думал о папе, о том, как он орал на меня за двойку, как он хлопнул дверью, как он ушёл, и я думал, что он хотя бы человек, что он хотя бы живой, что он хотя бы чувствует, что он хотя бы настоящий, а мама — робот, мама — функция, мама — железобетонная конструкция, и я думал, что я люблю папу, даже когда он орёт, даже когда он уходит, даже когда он предаёт, потому что он живой, а маму я не люблю, потому что она не живая, потому что она не чувствует, потому что она не настоящая, потому что она думает, что я тупой, но я не тупой, я просто не хочу быть как она».

Я читаю эти строки, и я не дышу, и я не двигаюсь, и я не думаю, и внутри меня тишина, абсолютная, звенящая, как после удара по стеклу, как после взрыва, как после того, когда всё кончилось, и ты стоишь в руинах, и смотришь на то, что осталось, и не понимаешь, как ты сюда попал, как ты дожил до этого момента, как ты пережил это, как ты дышишь, как ты живёшь, как ты существуешь, и я перечитываю, и ещё раз, и ещё раз, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, что мой сын не любит меня, что мой сын считает меня роботом, что мой сын считает меня железобетонной конструкцией, что мой сын любит отца, который предал, который ушёл, который хлопнул дверью, потому что тот живой, а я нет, потому что я не живая, потому что я не чувствую, потому что я не настоящая, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была услышать, что это то, что я должна была прочитать, что это то, что я должна была увидеть, и я закрываю тетрадь, и я кладу её на стол, и я сижу, и я смотрю в стену, и я не плачу, потому что я не умею плакать, потому что я разучилась, потому что я забыла, как это делается, потому что я двадцать

лет не плакала, не считая воды в душе, не считая слёз, которые смешивались с горячей водой, которые никто не видел, которые никто не знал, и я сижу, и я смотрю в стену, и я думаю, что я робот, что я функция, что я железобетонная конструкция, что я не живая, что я не настоящая, что я не чувствую, и я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что это диагноз, что это приговор, что это формула моей жизни, что это уравнение, в котором все переменные равны боли, и что результат всегда один, и что этот результат — то, что написано в тетради, в тетради моего сына, в тетради пятнадцатилетнего мальчика, который не любит свою мать, потому что она робот.

И потом я плачу.

Не тихо, не беззвучно, не так, как плакала в душе, а громко, навзрыд, как плачут люди, которые не могут сдержаться, как плачут люди, которые потеряли всё, как плачут люди, которые поняли, что они потеряли, как плачут люди, которые увидели правду, которую не хотели видеть, которые слышали слова, которые не хотели слышать, которые узнали то, что не хотели знать, и я сижу за столом, в своей студии, в двадцати восьми квадратных метрах, и я плачу, и я держу в руках тетрадь, и я прижимаю её к груди, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я плачу долго, может, час, может, два, может, больше, пока не кончатся слёзы, пока не кончатся силы, пока не кончается всё, что было внутри меня, что держало меня, что делало меня железобетонной, что делало меня функцией, что делало меня роботом, и я сижу, и я дышу, и я смотрю в стену, и я думаю, что я должна измениться, что я должна стать другой, что я должна стать живой, что я должна стать настоящей, что я должна стать человеком, что я должна стать матерью, что я должна стать женщиной, что я должна стать собой, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что я буду менять себя, даже если это больно, даже если это страшно, даже если это невозможно, даже если я не знаю, как, даже если я не умею, даже если я разучилась, и я думаю, что это обещание, которое я даю себе, которое я даю сыну, которое я даю тетради, которая лежит у меня на коленях, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

В субботу я еду в военный городок.

Не потому что хочу, не потому что должна, а потому что меня попросил друг Олега, тот самый, который передал мне старые фотографии, тот самый, который позвонил мне неделю назад, и сказал, что у них встреча выпускников, что они собираются в клубе части, что он хочет, чтобы я приехала, чтобы я привезла фотографии, которые Олег оставил у меня, которые я нашла в коробке, которую привезла ему в съёмную комнату, но которые он не забрал, которые остались у меня, и я думаю, что это сюрреализм, что я еду в военный городок, что я еду к сослуживцам Олега, что я еду к людям, которые знали его до меня, которые знали его после меня, которые знали его настоящим, не тем, которого я создала, не тем, которого я контролировала, не тем, которого я превратила в функцию, а настоящим, живым, офицером, майором, человеком, и я думаю, что это страшно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что я должна, что я должна поехать, что я должна увидеть, что я должна понять, что я должна пережить, и я сажусь в машину, и я еду, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Военный городок — это место, которое не изменилось за двадцать лет, те же здания, те же дороги, те же заборы, те же плацы, и я приезжаю в клуб части, в здание, в котором я была двадцать лет назад, в здании, в котором я впервые увидела Олега, в здании, в котором я влюбилась не в него, а в его функцию, в его силу, в его цельность, и я вхожу, и я вижу их, сослуживцев Олега, офицеров, которые сидят за столами, которые пьют водку, которые говорят громко, которые смеются, которые живут, и я думаю, что это сюрреализм, что я стою здесь, что я смотрю на них, что они смотрят на меня, и я вижу, как их лица меняются, как они

узнают меня, как они понимают, кто я, и я вижу, как их взгляды становятся холоднее, как они становятся дальше, как они становятся враждебнее, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я подхожу к столу, и я кладу на него конверт с фотографиями, и я говорю.

— Это для Олега. От меня.

Мужчина, который сидит во главе стола, поднимает глаза. Полковник, лет шестидесяти, с седыми усами, с лицом, которое видело войну, которое видело смерть, которое видело всё, и он смотрит на меня, и я вижу в его глазах не злость, не вражду, что-то другое, что-то похожее на жалость, на то чувство, которое бывает, когда человек видит того, кто разрушил то, что он любил, кто сломал то, что он ценил, кто уничтожил то, что он защищал, и он говорит.

— Анна. Садись.

Я сажусь. Он наливает мне водку. Я не пью водку, но я беру стакан, и я держу его в руках, и я думаю, что это сюрреализм, что я сижу здесь, что я пью водку, что я смотрю на этих людей, которые знали Олега, которые любили его, которые воевали с ним, которые умирали рядом с ним, и я думаю, что я не имею права быть здесь, что я не имею права сидеть за этим столом, что я не имею права пить эту водку, но я сижу, и я держу стакан, и я жду, и полковник говорит.

— Анна, я не хочу тебя обидеть. Но я должен сказать.

Я смотрю на него. И я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я говорю.

— Говорите.

— Ты сломала лучшего из нас.

Я смотрю на него. И я не дышу, и я не двигаюсь, и я не думаю, и внутри меня тишина, абсолютная, звенящая, как после удара по стеклу, как после взрыва, как после того, когда всё кончилось, и он продолжает.

— Олег был лучшим. Лучшим офицером. Лучшим командиром. Лучшим человеком. Он был тем, за кем шли в бой. Тем, кого любили солдаты. Тем, кто не бросал своих. А ты — ты не дала ему быть мужиком. Ты не дала ему быть офицером. Ты не дала ему быть собой. Ты сделала из него функцию. Ты сделала из него подрядчика. Ты сделала из него тень. Ты построила себе мужа, а не мужа. Ты построила себе статус, а не семью. И ты сломала его, Анна. Ты сломала лучшего из нас.

Я сижу. И я держу стакан. И я смотрю на полковника. И я думаю, что он прав, что он абсолютно прав, что это диагноз, что это приговор, что это формула моей жизни, что это уравнение, в котором все переменные равны боли, и что результат всегда один, и что этот результат — то, что он говорит, что я сломала Олега, что я не дала ему быть мужиком, что я построила себе мужа, а не мужа, что я построила себе статус, а не семью, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была услышать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я думаю, что я должна ответить, что я должна защитить себя, что я должна объяснить, что я должна сказать, что я не виновата, что я старалась, что я делала всё, что могла, что я любила его, что я хотела, чтобы он был успешным, что я хотела, чтобы он был лучшим, что я хотела, чтобы он был тем, кем я его полюбила, но я не отвечаю, не защищаюсь, не объясняю, я просто сижу, и смотрю на полковника, и молчу, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется.

И потом я говорю.

— Я знаю.

Полковник смотрит на меня. И я вижу, как его лицо меняется, как он не ожидает, как он не верит, как он думает, что я буду спорить, что я буду защищаться, что я буду оправдываться, а

я не спорю, не защищаюсь, не оправдываюсь, я просто соглашаюсь, я просто признаю, я просто принимаю, и он говорит.

— Ты знаешь?

— Да. Я знаю. Я сломала его. Я не дала ему быть собой. Я построила себе мужа, а не мужа. Я знаю.

Он молчит. Смотрит на меня. И я вижу в его глазах что-то, что я не могу разобрать, что-то похожее на удивление, на уважение, на то чувство, которое бывает, когда человек видит другого человека, который признаёт свою вину, который не прячется, который не оправдывается, который не лжёт, и он говорит.

— Тогда почему ты здесь, Анна?

Я смотрю на него. И я думаю, что я не знаю, что ответить, что я не знаю, как объяснить, что я не знаю, как сказать, что я здесь, потому что я должна, потому что я хочу, потому что я хочу увидеть их, потому что я хочу увидеть тех, кто знал Олега настоящим, потому что я хочу понять, кем он был, кем он мог бы быть, если бы я не сломала его, если бы я не превратила его в функцию, если бы я не сделала из него тень, и я говорю.

— Потому что я хочу понять. Понять, кем он был. Кем он мог бы быть. Понять, что я потеряла. Понять, что я разрушила.

Полковник молчит. Долго. И потом он поднимает стакан.

— За Олега, — говорит он. — За лучшего из нас.

Все поднимают стаканы. Я тоже поднимаю. И я пью водку, и она жжёт, и она горит, и она обжигает горло, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что я должна была почувствовать, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была заслужить, и я ставлю стакан, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Мы сидим ещё два часа. Они рассказывают про Олега, про то, каким он был, про то, как он воевал, как он спас своих солдат, как он подорвался на мине, как его вытащили, как он вернулся в строй через месяц, как он стал легендой, как он стал лучшим, и я слушаю, и я думаю, что это тот Олег, которого я не знала, которого я не видала, которого я не любила, которого я превратила в функцию, в подрядчика, в тень, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что это то, что я должна была услышать, что это то, что я должна была понять, что это то, что я должна была пережить, и я сижу, и я слушаю, и я молчу, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Когда я ухожу, когда я выхожу из клуба, когда я иду к машине, я чувствую, как внутри меня что-то сидит, что-то, что не даёт мне покоя, что-то, что жжёт, что-то, что болит, что-то, что я не могу вытащить, что-то, что я не могу забыть, что-то, что я не могу простить, и я думаю, что это заноза, что это та самая заноза, которая будет сидеть во мне всегда, которая будет напоминать мне о том, что я сделала, о том, что я разрушила, о том, что я потеряла, и я думаю, что это справедливо, что это правильно, что это то, что я заслужила, что это то, что я должна была пережить, что это то, что я должна была понять, и я сажусь в машину, и я завожу двигатель, и я еду домой, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

ГЛАВА 4 Смерть кота и прогул

Рыжик умирает в четверг, в шесть вечера, когда я сижу на кухне, пью чай, смотрю в окно, и я думаю о том, что я должна позвонить ещё одному клиенту, о том, что я должна проверить почту, о том, что я должна сделать ещё десять вещей, которые я откладывала весь день, и я слышу, как он мяукает, тихо, слабо, из-под дивана, из того самого места, где он лежит уже три дня, где он не ест, где он не пьёт, где он просто лежит, и смотрит на меня глазами, которые стали мутными, которые стали старыми, которые стали чужими, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и я встаю, и я иду к дивану, и я опускаюсь на колени, и я смотрю на него, на Рыжика, на кота, которому восемнадцать лет, на кота, который жил с нами двадцать лет, который был свидетелем всего, что мы были, что мы есть, что мы будем, который спал между нами в постели, который мурлыкал, когда мы ссорились, который шипел, когда Олег приходил пьяный, который прятался под кроватью, когда Кирилл был маленьким и плакал, который был частью нашей семьи, частью нашей жизни, частью того, что мы разрушили, и я думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется.

Я глажу его по голове, и его шерсть сухая, тонкая, не та, что была раньше, не та рыжая, блестящая, мягкая, а другая, тусклая, жёсткая, как у старика, и я думаю, что он стар, что он умирает, что это естественно, что это то, что должно было случиться, что это то, что случается со всеми, кто живёт достаточно долго, и он смотрит на меня, и я вижу в его глазах не страх, не боль, что-то другое, что-то похожее на усталость, на то чувство, которое бывает, когда ты уже всё видел, когда ты уже ничему не удивляешься, когда ты уже готов, и я думаю, что он знает, что он понимает, что он чувствует, что это конец, и я думаю, что это больно, что это невыносимо, что это то, от чего нельзя оправиться, но я думаю, что это правда, что это абсолютная, неопровержимая правда, что он умирает, и я не знаю, что делать, и я не знаю, как помочь, и я не знаю, как остановить, и я просто сижу на полу, и глажу его по голове, и молчу.

Он мяукает снова, тише, слабее, и я думаю, что он хочет пить, и я беру миску, и я наливаю воду, и я подношу к его морде, и он нюхает, и не пьёт, и я думаю, что он не может, что он не хочет, что он уже не может, и я ставлю миску рядом, и я снова глажу его по голове, и я думаю, что я должна позвонить Олегу, что я должна сказать ему, что я должна поделиться, что я не могу одна, что я не хочу одна, что я не должна одна, и я беру телефон, и я набираю номер, тот самый, который я не набирала три месяца, тот самый, который я стёрла, потом восстановила, потом снова стёрла, потом снова восстановила, и я жду, и он берёт трубку, и я слышу его голос, и я думаю, что это сюрреализм, что я звоню, что я не могу не звонить, что я не могу одна, и я говорю.

— Олег.

— Анна.

— Рыжик умирает.

Пауза. Короткая, но я слышу её, слышу, как он на том конце провода замирает, как он перестраивается, как он переключается, как он понимает, и он говорит.

— Я еду.

— Хорошо.

Я кладу трубку. И я сижу на полу, и глажу Рыжика по голове, и жду, и думаю, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и что это то, с чего всё начнётся.

Олег приезжает через сорок минут, и я слышу, как он поднимается по лестнице, как он стучит в дверь, и я встаю, и я иду к двери, и я открываю, и я вижу его, в куртке, с сумкой через плечо, с лицом, которое я знаю, которое я не видела три месяца, и он смотрит на меня,

и я смотрю на него, и мы не говорим, мы просто проходим в комнату, и я веду его к дивану, и он опускается на колени рядом со мной, и он смотрит на Рыжика, и я вижу, как его лицо меняется, как он понимает, как он осознаёт, что это конец, что это финал, что это то, после чего ничего не останется, и он протягивает руку, и он гладит кота по голове, и Рыжик мяукает, тихо, слабо, и я думаю, что он узнал его, что он помнит, что он чувствует, и я сижу, и я смотрю, и молчу, и мы оба молчим, и это молчание не то, что было между нами раньше, не холодное, не враждебное, а другое, тяжёлое, наполненное тем, что не сказано, тем, что нельзя сказать, тем, что уже поздно говорить, и я думаю, что это хорошо, что это правильно, что это то, что мы должны были пережить, что это то, что мы должны были понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.